

Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича

А во стольном было городи во Киеви —
А тут жил-был Добрынюшка Микитиц млад.
А т[ут] он задумал где ехать во чисто полё,
Он ведь стал просить у маменьки благословленьиця:
«Уж ты ой еси, маменька родимая,
Ты чесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
Уж ты дай мне-ка, маменька, благословленьицо
Мне-ка съездить, добру молоцьцю, во чисто полё!»
А даёт ёму маменька благословлень[и]цё.
А тут стал где Добрынюшка снарежатисе,
Поскоре того Никитиц стал сподоблятисе;
Он и стал своей жоны ноньче наказывать,
Он наказывать ей, крепко наговаривать:
«Ты живи, жона Настасея, первы пять лет,
А живи, жона Настасея, вторы пять лет,
А живи, жона Настасея, третьи пять лет;
А пройдёт тому времени пятнаццэт лет,
А не будёт как Добрынюшки из чиста поля —
А ты тогда хоть, Настасея, вдовой живи,
Хоть вдовой живи, Настасея, хошь замуж поди.
Хошь за князя ты поди, хошь за боярина,
За купьця хоть ты поди, гостя торгового,
Хошь за руського за сильнёго богатыря —
А не ходи ты за Олёшу сына Поповича,
За Добрынина большого неприятеля!..»
А тут поехал Добрынюшка во чисто полё.
А много-мало тому времени минуицьсе.
А живёт жона Настасея тут первы пять лет,
А жила жона Настасея вторы пять лет,
Прожила жона Настасея третьи пять лет,
А как выступило летичко на шошнаццато —
А как нет всё Добрыни из чиста поля.
На Настасеи сватовья стали сватацьсе:

Стали сватацьсе на ей вѣдь князи-бояра,
Уж как те же купчи-гости торговые,
А ишше руськия сильния боґатыри.
А не йдѣт она за князя, за боярына,
А не йдѣт и за купьця, гостя торгового,
А за руського сильнѣго боґатыря.
А стал свататьсе Олѣша сын Попович-от —
А не йдет она за Олѣшу и за Поповича.
Приневаливат ей боґоданна-та родна матушка
А чесна вдова Омельфа Тимофеѣвна.
А во ту где-ка пору и во то время
По тому где-ка городу-ту Киеву
А проехал тут старой казак Илья Муромець.
Он ехал, старой казак, из чиста поля,
Он и сам говорил, стары, таково слово:
«Уж я видял во поли чудо чудноѣ,
Чудо чудноѣ я видял, диво дивноѣ,
Диво дивноѣ я видял — тело белоѣ,
Тело белоѣ я видял молодечкоѣ:
Тело молода Добрыни сына Микитича.
Уж как рѣтом у Добрынюшки трава росла,
А глазами у Добрынюшки цветы чвели!..»
А во те поре Настасья-лебедь белая
А пошла где она нонь во замужесьво
За того она Олѣшу сына Поповича.
А сѣгоднине у их да верно свадьбы быть;
А ушли они топереце ко Божьей черкви,
А прымать они пошли ноньче Божьей закон.
А во ту где-ка пору и во то время
По тому где-ка городу-ту Киеву
А по той же по улочки широкое
А идѣт тут калика перехожая
Она прямо к Добрынюшки на широкой двор.
Проходя идѣт калика на красно крыльцо,
Проходя идѣт калика по новым сеням,
Проходя идѣт калика в нову горницю;
Говорила тут калика таково слово:
«Уж ты здрастуй, Добрынина родна маменька —
А чесна вдова Омельфа ты Тимофеѣвна!

У вас <г>де же Добрынина молода жона
А ведь та где Настасья-лебедь белая?
А в пиры ушла але беседушки?
Але она ушла нонь во замужесьво?
Але ей топéре в животі нету?»
Говорит тут Добрынина родна маменька
А чесна вдова Омельфа Тимофеёвна:
«Уж ты ой еси, калика перехожая!
А как та где Добрынина молода жона
А ушла она где ноньче во замужество
За того она Олёшу сына Поповича;
А ушли они топере ко Божьей церкви,
Ко Божьей черкви, к Олёши на широкой двор!»
Говорит тут калика перехожая:
«Уж ты ой еси, Добрынина родна маменька,
Ты чесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
Уж ты дай мне Добрынина платья цветного
А сходить мне к Олёшеньки на свадёбку!»
А на то где Омельфа-та ослушалась —
Не выносит калики платья цветного,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, калика перехожая!
У Олёшеньки свадьба идёт строгая:
У ворот у Олёши — приворотники,
У дверей у Олёшеньки — прыдверники:
Не пропустят калики на широкой двор!»
Говорыт тут калика-та во второй раз:
«Уж ты ой еси, Добрынина родна матушка,
Ты чесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
Уж ты дай мне Добрынина платья цветного,
Не хорошего мне платья — хошь дай по среднёму!»
А на то где Омельфа не ослушалась,
Выносила ёму да платья цветного.
Да брала тут калика платьё чветноё,
Надевала калика платьё чветноё.
Одеват тут калика — приговарыват:
«А замолода платьицё завожоно,
А на старость верно платьё прыгодилосе!»
Э говорыт тут калика таково слово:

«Уж ты ой еси, Добрынина родна маменька,
А чесна вдова Омельфа ты Тимофеёвна!
Уж ты дай мне Добрыниных звончатых гуслей —
Мне сходить нать к Олешеньки на свадёбку,
Посмотреть у Олёши нать молодую жону,
Какова у Олёши молода жона:
Есле весёла она — да мы распечалим,
А печальня она — ей прирозвеселим!»
А на то где Омельфа не ослушалась,
Выносила калики звончатые гусли.
А тут брал-де калика звончатые гусли,
Он положил ведь гусли под левую полу,
Он пошёл-де к Олешеньки на свадёбку.
А приходит к Олешину к широкому двору —
У ворот у Олёши — приворотники:
Не пропустят калику на широкой двор.
Вынимал тут калика три златых деньги,
Отдавал тут калика приворотникам —
Пропустили калику на широкой двор.
У дверей у Олёши — все придвернички:
Не пропустят калики в нову горницу.
Вынимал тут калика три златые деньги —
Пропустили калику в нову горницу.
Ишше злы у Олешеньки весёлы гости:
Не пропустят калики среди горници.
Вынимал тут калика три златых деньги,
Отдавал тут калика весёлым гостям —
Пропустили калику среди горнички.
Проходила калика среди горнички,
А садилась калика среди горнички,
Ише склала калика ноги под жопу.
Вынимал тут калика звончатые гусли,
Заиграл тут калика в звончатые гусли,
А играл тут калика жалко-жалосно.
А тут князь-ёт Владимир был ведь тысичким,
А кнегина-та Опраксея большой сватьюшкой,
А стары-ти казак бы большой дружкою.
А тут князь-ёт Владимир призадумалса,
А кнегина-та Опраксея расплакалась,

У Олёши молода жона запечалилась.
Говорит тут Владимир стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Олёша сын Попович млад!
Ты налей-ко-се чару зелена вина,
Ты подай-ко-се калики перехожое
Для того ей для Добрыни сына Микитича!»
А на то где Олёша не ослушалса:
Наливал он где чару зелена вина,
Подавал он калики перехожое.
А ставал тут калика на резвы ноги,
Прынимал ету чару единой рукой,
Выпивал ету чару к одному духу,
А садилса опять он среди горьници.
А играл тут калика в звоньчаты гусли,
А играл тут калика пуще старого,
Пуще старого играл он жалко-жалосно.
А кнегина-та Опраксея расплакалась,
Говорила тут кнегина-та Опраксея:
«А давно етих гуслей да мы не видали,
Мы давно етой игры ноньче не слыхали,
Посли того где Добрыни сына Микитича!»
Говорит тут Владимир, князь стольне-киевський:
«Уж ты ой еси, Олёша сын Попович млад!
Ты налей-ко-се чару пива пьяного,
Ты подай-ко калики перехожое
Для того ей для Добрыни сына Микитича».
А на то где Олёша не ослушалса,
Наливал он где чару пива пьяного,
Подносил он калики перехожое.
Тут ставал где калика на резвы ноги,
Выпивал ету чарочку всю досуха,
А садилса опять он среди горьници.
Он играл-де калика в звоньчаты гусли,
А играл он, калика, пуще старого,
Пуще старого играл он жалко-жалосно.
Говорит тут стары казак Илья Муромеч,
Говорил тут Илеюшка таково слово:
«Уж ты ой еси, Олёша сын Попович млад!
Ты здорово женилса — тибе не с ким спать!»

Говорил тут Владимир-князь таково слово:
«Уж ты ой еси, Олёшенька сын Попович млад!
Ты налей-ко-се чару мёду сладкого,
Уж эту-ту чарочку жоны отдай;
А подаст она калики перехожое
Для того она Добрыни сына Микитича!»
А на то где Олёшенька не послушалса,
Наливал он чару мёду сладкого,
Он велел ету чарочку жоны подать.
А брала тут Настасья чару мёду сладкого,
Подносила калики перехожое.
А ставал тут калика на резвы ноги,
Принимал он, калика, чару мёду сладкого,
Выпивал ету чарочку всю досуха.
Он снимал со правой руки злачон перстень,
Он спускал где-ка перстень в эту чарочку —
Подавал он Олёшиной молодой жоны.
А брала тут Олёшина молода жона,
Вынимала из цяроцьки злачён перстень,
А наложила перстень на праву руку,
А скакала она тут на резвы ноги —
А пошла тут она где из застоля вон.
Выходила она да среди горниччи,
Она падала Добрынюшки во резвы ноги,
Она сама говорила таково слово:
«Ты прости меня, Добрыня, во первой вины».
А тут брал ей Добрыня за белы руки,
Чёловал он в уста ей во сахарные:
«Во первой вины, Настасья, тибя Бох простит!»
А пошел он ведь тут из светлой грыни.
А скакал тут Олёша на резвы ноги,
А хватил он со спички саблю вострую —
Он и хочот казнить ёму буйну голову.
Говорит тут стары казак Илья Муромеч:
«Уж ты ой еси, Олёшенька Попович млад!
Уж как я-то бы нонь ведь — не тебе чота:
Уж как был у мя Добрыня на белых грудях!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 27 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чупова Ивана Алексеевича, ок. 30 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.